

**«ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В
ПОЭТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Г. В. ИВАНОВА**

Творчество Георгия Иванова все еще недостаточно исследовано. Работы А. Арьева [1], В. Крейда [2], С. Кочергиной [3], А. Пурина [4], В. Цибина [5], И. Тарасовой [6] касаются отдельных аспектов творчества поэта. Интертекстуальные связи поэзии Г. Иванова и М. Лермонтова изучены фрагментарно, поэтому данная проблема требует более глубокого наблюдения. Это обуславливает цель нашей статьи – изучить поэтическое осмысление Г. Ивановым стихотворения М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...».

В пятнадцатилетнем возрасте Георгий Иванов неожиданно для себя увлекся поэзией. По словам В. Крейда: «Он и сам не заметил, как стихия творческого слова овладела им безраздельно» [2, с. 12]. Кадетский корпус, в котором учился поэт, находился под покровительством великого князя Константина Константиновича, легендарного поэта К. Р. Влияние Романова во многом способствовало увлечению учеников литературной деятельностью. К. Р. был первым поэтом, которого увидел Иванов, однако М. Ю. Лермонтов стал тем, «под чье очарование он попал» [2, с. 12]. Иванов «начал читать Лермонтова по обязанности, требовалось выучить наизусть «Выхожу один я на дорогу...» – и под влиянием музыки стихотворения и его космичности, – отмечает В. Крейд, – с Юрой случилось нечто такое, что лучше всего определить словом «посвящение». То была неожиданная инициация в тайну поэзии, потому что без тайны, как и без чувства меры, гармонии, охватывающей сферы бытия, для него подлинной поэзии не существовало» [2, с. 12]. То есть это была своеобразная первая любовь. Любовь к поэзии, к Лермонтову наложила отпечаток на все дальнейшее творчество Георгия Иванова. Цитаты, реминисценции из лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...» встречаются в стихотворениях поэта разных лет.

В стихотворении «Пустынна и длинна моя дорога» (1923), на наш взгляд, первая строка перекликается с лермонтовским текстом:

<i>Пустынна и длинна моя дорога,</i>	<i>Выхожу один я на дорогу; Сквозь туман кремнистый путь блестит; Ночь тиха. Пустыня внемлет богу, И звезда с звездою говорит...</i>
А небо лучезарнее, чем рай, И яхонтами на подоле Бога Сквозь дым сияет горизонта край... [1, с. 243].	[7, с. 222].

Строки Иванова созданы под влиянием Лермонтова: тихая ночь, пустыня, разговор звезд поэта XIX века трансформируется в лучезарное небо, звезды-яхонты на подоле Бога, край горизонта у поэта века XX. Образ дороги один из частых в лирике Лермонтова. «Для лирического героя Лермонтова путь

– это обычно скитальчество, духовная неприкаянность, фатально-безостановочное движение, иссушающее душу «путника» [8, с. 306]. В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» М. Ю. Лермонтова происходит сближение и отождествление дороги земной, реальной и жизненного пути лирического героя. Это стихотворение стало одним из последних произведений Лермонтова, итог его жизненного странствия. Такое же отождествление земной дороги и жизненного пути наблюдаем и в стихотворении Иванова. Необходимо отметить, что и Лермонтов, и Иванов подчеркивают пустынную дорогу, но у поэта XX века наряду с эпитетом «пустынна» появляется эпитет «длинна», что, возможно, объясняется отношением к эмиграции – дорога к его дому, к Родине действительно длинна.

В стихотворении «Пустынна и длинна моя дорога» образ неба тоже восходит к лермонтовскому. В поэзии М. Ю. Лермонтова мотивы «земного» и «небесного» выступают, по словам И. Б. Роднянской, «то в противопоставлении друг другу (как несовместимость идеала и «существенности»), то в гармоническом единении (союз, «брак» земли и небес как нравственно-эстетический образ совершенной жизненной и духовной полноты, универсальности высшего порядка)» [9, с. 302]. Именно во взаимодополняющем единстве выступают земля и небо в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...»:

В небесах таинственно и чудно!

Спит земля в сиянье голубом... [7, с. 222].

В стихотворении Иванова нет такого единения земного и небесного; за внешней красотой и гармонией скрывается волнение автора о дальнейшей судьбе страны и своего собственного жизненного пути, своей «дороге».

Но кажется, устав от дней тревожных,

Не слышит старый и спокойный Бог,

Как крылья ласточек неосторожных

Касаются его тяжелых ног. [1, с. 243]

Вместе с тем, изображение ночного неба у обоих авторов схоже: торжественность, чудность у Лермонтова и лучезарность – у Иванова.

Далее Лермонтов называет часть суток: «...ночь тиха...», у Иванова же ночь – это, очевидно, образ новой силы, пришедшей к власти в России, которую автор не принимал, поэтому и соотносит ее с ночью. А. Арьев увидел в этих строках своеобразный политический подтекст, подчеркнув, что «для жителя Петрограда, перенесшего октябрьский переворот, олицетворенный для него в фигурах Троцкого, Урицкого, Зиновьева» звезда воспринимается как большевистский символ [1, с. 578].

Мотив сна в стихотворении Лермонтова звучит в строках «Спит земля в сиянье голубом», «заснуть». У Иванова нет указаний на сон, но читатель подсознательно воспринимает это состояние. Здесь следует отметить сходство и в настроении двух стихотворений: одиночество, тоска, безысходность. Но в стихотворении Лермонтова эти чувства индивидуализированы, они имеют

личный, интимный характер. У Иванова же безысходность становится безнадежностью, обусловленной мыслями о Родине, у автора практически не остается веры в то, что Бог обратит свои взоры к России.

В 1951 году Георгий Иванов вновь обращается к стихотворению Лермонтова в произведении «Мелодия становится цветком...». История создания этого стихотворения воссоздана И. Одоевцевой: «Однажды, сидя со мной за утренним чаем и ведя самый незначительный разговор, он вдруг прервал самого себя на полуфразе:

— Постой, постой, подожди... — задумался на минуту: — Вот я сейчас сочинил. Послушай!

Туман... Тамань...

Пустыня внемлет Богу.

Как далеко до завтрашнего дня!..

И Лермонтов один выходит на дорогу,

Серебряными шпорами звеня.

Я почувствовала дрожь в груди и закрыла глаза от волнения. То, что эти гениальные стихи были созданы здесь, при мне, мгновенно, казалось мне чудом. А он, не понимая моего волнения, спокойно рассказал мне, что только что, бреясь в ванной, он сочинил начало стихотворения «Мелодия становится цветком» и сейчас, размешивая сахар в чашке, досочинил его конец» [10, с. 157-158].

На наш взгляд, в этом стихотворении слились воедино любовь Иванова к творчеству Лермонтова и авторское восприятие музыки. По словам Одоевцевой, «музыка, мелодия стихов были его стихией — в них воплощались «звуки небес», главное в поэзии» [10, с. 158].

Первые строки стихотворения создают своеобразный туманный фон, предваряющий появление Лермонтова. Автор раскрывает творческую лабораторию, показывает, как зарождается стихотворение:

Мелодия становится цветком,

Он распускается и осыпается,

Он делается ветром и песком,

Летящим на огонь весенним мотыльком,

Ветвями ивы в воду опускается... [1, с. 301]

Георгий Иванов не случайно отождествляет поэзию и музыку, сравнивает зарождение стихотворения с распусканием цветка. Здесь тоже очевидно влияние Лермонтова, который «любил и тонко чувствовал музыку, считая, что она может точнее и глубже, чем слово, выразить сокровенные чувства... Музыка и вызванные ею впечатления разными путями входили в художественное сознание Лермонтова, становясь неотъемлемой частью его творчества» [11, с. 314]. Вот почему в этом стихотворении, где все составляющие - лермонтовские, Георгий Иванов не мог не обратиться к музыке. Во второй строфе автор воссоздает образ Лермонтова:

Проходит тысяча мгновенных лет,

И перевоплощается мелодия
 В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
 В рейтузы, в ментик, в «Ваши благородие»,
 В корнета гвардии – о, почему бы нет!... [1, с. 301].

Здесь поэт выделяет конкретный факт биографии Лермонтова: в 1834 году поэт был произведен в корнеты лейбгвардии гусарского полка. Отметим, что Иванов обращался к событиям из жизни Лермонтова и в других стихотворениях, например, в «Почти не видно человека среди сиянья и шелков...» (1951).

В последних строках стихотворения «Мелодия становится цветком...» появляется сам поэт – он «один выходит на дорогу» – это реминисценция из стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» (1841). «Туман... Тамань... Пустыня внемлет богу» – эти строки тоже отсылают к произведениям Лермонтова. Тамань – город, куда Лермонтов приехал в сентябре 1837 года и так называется одна из глав «Героя нашего времени». По мнению А. Арьева, название этого города «вопреки теме неожиданно напоминающее, как это постоянно у Георгия Иванова случается, не о гармонии, а о «мировом уродстве» («Тамань – самый скверный городишко из всех приморских городов России»). Оно преодолевается благозвучием самой строки, гармоничной фонетикой. Впрочем, хотя и не взятое у Георгия Иванова в кавычки как название, слово напоминает не просто о городе, но о шедевре прозы» [1, с. 634].

<i>Туман... Тамань...</i>	<i>Выхожу один я на дорогу;</i>
<i>Пустыня внемлет Богу.</i>	<i>Сквозь туман кремнистый</i>
Как далеко до завтрашнего	путь блестит;
дня!..	Ночь тиха. <i>Пустыня внемлет</i>
И Лермонтов <i>один выходит</i>	<i>богу,</i>
<i>на дорогу,</i>	И звезда с звездою говорит...
Серебряными шпорами звеня	[7, с. 222].

[1, с. 301].

Строка «Как далеко до завтрашнего дня!», по нашему мнению, является скрытой отсылкой к лермонтовскому «Герою нашего времени»: «Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтоб рука не дрожала. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно... » [12, с. 564]. В этом стихотворении автор XX века словно соединяется с поэтом XIX века: дорога, одиночество – центральные темы творчества Лермонтова, близки и для Иванова, в первую очередь, в период эмиграции.

В 1950 году, в Париже, вспоминая, как в детстве заучивал «Выхожу один я на дорогу», Иванов создает стихотворение «Если бы я мог забыться...» – «лирическую исповедь, вдохновленную лермонтовским шедевром» [2, с. 13].

Все стихотворение – это диалог с лермонтовским текстом:

*Если бы я мог забыться,
 Если бы, что так устало,
 Перестало сердце биться,
 Сердце биться перестало...
 ... Что любил, что не допето,
 Что уже не видно взглядом,
 Чтобы близко было где-то,
 Где-то близко было рядом...*
 [1, с. 316]

...Но не тем холодным сном могилы
*Я б желал навеки так заснуть,
 Чтоб в груди дремали жизни силы
 Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь.
 Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
 Про любовь мне сладкий голос пел,
 Надо мной чтоб, вечно зеленея,
 Темный дуб склонялся и шумел* [7, с. 222]

Эти два стихотворения близки и образно, и в настроении. Здесь возникает образ сна, отождествляющий сон и смерть («сон могилы» – смерть), который является одним из ключевых в творчестве Лермонтова. Но лирический герой отвергает смерть-небытие, он хочет вечного сна, сопровождаемого песней о любви, шелестом темного дуба. Об этом мечтает и герой Иванова: «Но – как Лермонтову снилось – Чтобы где-то жизнь звенела» [1, с. 316]. Обращает внимание то, что оба автора используют в текстах глаголы «желать», «забыться», «заснуть», «дремать», «любить», которые способствуют воссозданию состояния лирического героя.

Образ «лермонтовской» дороги появляется и в позднем стихотворении «Туман. Передо мной дорога...» (1957) – но здесь автор подчеркивает обыденность, привычность и одновременно безнадежность этого пути:

*Туман. Передо мной дорога,
 По ней привычно я бреду.
 От будущего я немного,
 Точнее – ничего не жду...* [1, с. 325].

Это стихотворение Иванова, написанное за год до смерти поэта, в отличие от лермонтовского, наполнено пессимизмом, отчаяньем, неверием, безнадежностью.

Таким образом, стихотворение М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» поэтически осмыслялось Г. В. Ивановым на протяжении всей жизни. Реминисценции, переключки с этим стихотворением обнаруживаются в произведениях «Пустынна и длинна моя дорога» (1923), «Мелодия становится цветком...» (1951), «Если бы я мог забыться...» (1950), «Туман. Передо мной

дорога...» (1957). Авторы сближают мироощущение, образы дороги, ночи, мотив сна. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в сопоставлении других произведений Г. В. Иванова и М. Ю. Лермонтова.

Литература

1. **Иванов Г. В.** Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста, состав. примеч. А. Ю. Арьева (Новая Библиотека поэта) / Г. В. Иванов. – СПб. – М.: Издательство ДНК, Прогресс-Плеяда, 2010. – 768 с.
2. **Крейд В. П.** Георгий Иванов / В. П. Крейд. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 430 с.
3. **Кочерина С.** Миф о Георгии Иванове / С. Кочергина // Литературная учеба. – 2009. - № 1. – Режим доступа: <http://lych.ru/online/index.php/0ainmenu-65/37--s12009/270---a>, свободный. – Загл. с экрана.
4. **Пурин А.** Поэт эмиграции (Георгий Иванов) [Электронный ресурс] / А. Пурин. – Режим доступа: http://www.newkamera.de/purin/purin_o_10.html, свободный. – Загл. с экрана.
5. **Цибин В.** Вернуться в Россию – стихами [Электронный ресурс] / В. Цибин. – Режим доступа: <http://poezosfera.ru/?p=1741>, свободный. – Загл. с экрана.
6. **Тарасова И. А.** "Призраки на петербургском льду": "петербургский текст" в творчестве Г. Иванова [Электронный ресурс] / И. А. Тарасова – Режим доступа: http://acta-linguistica-et-poetica.blogspot.com/2009/10/blog-post_6868.html, свободный. – Загл. с экрана.
7. **Лермонтов М. Ю.** Сочинения / М. Ю. Лермонтов. – М.: Правда, 1988. Т. 1 – 720 с.
8. **Пульхритудова Е. М.** Путь / Е. М. Пульхритудова // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 784 с. – С.306-307
9. **Роднянская И. В.** Земля и небо / И. В. Роднянская // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 784 с. – С.302-304
10. **Одоевцева И.** На берегах Сены / И. Одоевцева. – М.: Худ. лит., 1989. – 333с.
11. **Гозенпуд А. А.** Музыка в жизни и творчестве Лермонтова / А. А. Гозенпуд // Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В. А. Мануйлов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 784 с. – С. 312-315
12. **Лермонтов М. Ю.** Сочинения / М. Ю. Лермонтов. – М.: Правда, 1988. Т. 2 – 704 с.

Аннотация

Кошеливская Ю. В. «Выхожу один я на дорогу...» М. Ю. Лермонтова в поэтическом осмыслении Г. В. Иванова.

В статье рассмотрено поэтическое осмысление Г. В. Ивановым стихотворения М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...», проанализированы стихотворения Иванова разных лет, в которых встречаются цитаты и реминисценции лермонтовского произведения: «Пустынна и длинна моя дорога» (1922), «Мелодия становится цветком...» (1951), «Если бы я мог забыться...» (1950), «Туман. Передо мной дорога...» (1957). Авторы сближают мироощущение, образы дороги, ночи, небес, мотив сна.

Ключевые слова: образ, мотив, реминисценция, цитата, лирический герой, мировоззрение.

Анотація

Кошелівська Ю. В. «Виходжу один я на дорогу...» М. Ю. Лермонтова у поетичному осмисленні Г. В. Іванова.

В статті розглянуто поетичне переосмислення Г. В. Івановим вірша М. Ю. Лермонтова «Виходжу один я на дорогу...», проаналізовано вірші Іванова різних років, в яких зустрічаються цитати та ремінісценції лермонтовського твору: «Пустельний та довгий мій шлях» (1922), «Мелодія стає квіткою» (1951), «Якби ж я міг забутись...» (1950), «Туман. Переді мною шлях...» (1957). Авторів зближує світосприйняття, образи дороги, ночі, небес, мотив сну.

Ключові слова: образ, мотив, ремінісценція, цитата, ліричний герой, світосприйняття.

Summary

Koshelivskaya Yu. V. «I come out to the path, alone» of M. Yu. Lermontov in poetical perception of G. V. Ivanov.

In the article the author has researched G. V. Ivanov's poetical perception of M. Yu. Lermontov's poem «I come out to the path, alone». The author has analyzed Ivanov's poems of different years, in which we can see the reminiscences and the citations from Lermontov's work: «My way is desert and long» (1922), «The melody becomes a flower» (1951), «If I could doze» (1950), «Fog. There's a way in front of me...» (1957). Poets are brought together by world's perception, by the images of the way, of the night, the sky, the motive of a dream.

Key words: image, motive, reminiscence, citation, lyric hero, attitude.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати Верник О. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры всемирной литературы Луганского национального университета имени Тараса Шевченко